

погромов информативен и поучителен. Редкие факты приведены в главе «На страже правопорядка», где чины кубанской полиции изображены с человеческим лицом, а не привычными нам с детства «держимордами» и «хамелеонами». В. Н. Ратушняк привел немало примеров, когда сотрудники местной полиции проявляли мужество, находчивость и оперативность в борьбе с преступным миром, добросовестно и самоотверженно выполняли свой служебный долг по охране правопорядка в нелегкое время.

Не однозначно, а целой палитрой красок представлено историческое полотно, связанное с советским периодом в жизни края. Главы «Казачья Голгофа», «Хлеб ценою голода», «Страшные дни оккупации» написаны не в модных ныне кроваво-разоблачительных тонах, а объективно, вдумчиво и бережно, учитывая не только просчеты и преступления, но и достижения этой противоречивой эпохи.

Завершает книгу глава «Как Феникс из пепла», посвященная истории кубанского казачества. «Хроники» иллюстрированы великолепной подборкой репродукций исторических полотен А. А. Чечина, Г. Т. Квашуры, С. Г. Королькова, уникальными фотографиями и рисунками.

Как и каждая выдающаяся работа, новая книга вызовет, несомненно, различные оценки как специалистов, так и не в меру пристрастных деятелей от науки, желающих получать продукцию, соответствующую только их видению нашего прошлого. Наверняка обнаружатся недостатки, упущения и просчеты. Но несомненно одно: читатели Кубани, учителя и ученики, все, кому дорога память о былом, трагичном и величественном, получили прекрасный подарок. Издание прекрасно вписывается в имеющиеся программы по кубановедению и, несомненно, будет задействовано и востребовано как в образовательном, так и в культурном пространстве Краснодарского края

О. В. Матвеев, канд. ист. наук (КубГУ)

Лубский А. В. Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. – 352 с.

Нынешнее состояние процесса исторического познания характеризуется сложностью и противоречивостью. Это определяется особенностями культурно-исторической ситуации современной эпохи, выдвинувшими исключительно высокие требования по отношению к исторической науке. Ярко выраженные интеграционные тенденции современного мира при неизбежной и естественной в таких условиях нивелировке локальных культур актуализировали присущие человеку, как «существу охраняющему и почитающему»,

стремление к сохранению традиций. В то же время человеку наших дней, как «существу деятельному и стремящемуся»¹, столь же присуще желание видеть идеалы, примеры и параллели в прошлом и в целом обеспечить исторически обоснованное самоопределение в многомерной культуре человечества... Однако состояние теоретико-методологического кризиса, охватившего всю систему социального и гуманитарного познания примерно с последней четверти прошлого века и не преодоленное до сих пор, в значительной мере ограничивает возможность удовлетворения интеллектуальных потребностей человека и общества в рамках научного исторического дискурса.

Предопределенный культурно-историческим переломом новейшего времени, который высветил ограниченность картины мира, сложившейся в рамках классической и модернистской культуры, современный кризис явился отражением общественной неудовлетворенности процессом социально-гуманитарного познания. Он также выявил неудовлетворенность его результатами, выраженными в утвердившихся в науке концепциях. Отсюда возникла общая тенденция к распространению релятивистских представлений на теоретические обоснования когнитивных практик, на сам исследовательский процесс и его результаты, характерная для всего XX столетия. Ситуация, однако, осложняется тем, что самые серьезные возражения профессионального сообщества историков вызвала попытка представить результаты исторического познания в свете предельного презентизма и конструктивизма, явившаяся результатом доведения до логического конца тех тенденций в развитии философии и методологии истории, с которыми был связан разрыв с традициями просветительской и позитивистской историографии. Сформировалась она в культуре постмодернизма. Наиболее ярким ее выражением стало стремление заменить познание прошлого в качестве цели исторического исследования субъективной характеристикой текста как единственного остатка прошлого, имевшего основы не в современном ему культурно-историческом контексте, а в исторически сложившемся интертексте. Еще более сложной является ситуация в сообществе российских историков, для которых освоение когнитивных теорий и практик, нарабатывавшихся в мировой историографии в XX в., все еще только ставится в повестку дня. Неудивительно поэтому трудности, с которыми сталкивается современный историк, особенно в нашей стране, при выборе своей историософской и теоретико-методологической ориентации. Отсюда возникают такие черты современных исследований, как отсутствие четкого их философского и теоретико-методологического обоснования, когнитивная эклектика или следование устаревшим с точки зрения современности познавательным канонам при наличии

¹ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Сочинения: в 2-х т. – М., 1990. – Т. 1. – С. 159.

попыток увязать их с авторитетными в наши дни концепциями исторической науки и направлениями методологии истории. Поэтому такой труд философско-методологического направления, который обеспечивал бы для историков более четкую ориентацию в исключительно сложной современной историографической ситуации, каким является результат многолетней работы выдающегося отечественного специалиста в области философии и методологии истории А. В. Лубского, не просто актуален, но выражает насущную потребность времени.

Исключительной глубиной и сложностью выделяется поставленная в исследовании проблема. Она носит междисциплинарный и многоаспектный характер, поскольку находится на стыке таких дисциплин как: всеобщая история и историография, история философии и философия истории, методология истории и история духовной культуры. Столь сложный авторский замысел неслучаен. Осуществление его позволяет не только раскрыть и понять основные этапы в развитии научной историографии, которое продолжалось от эпохи Просвещения до современности. Оно дает возможность понять этот сложный процесс в контексте развития мировой культуры на протяжении последних четырех веков, благодаря чему как феномен духовной культуры представлены не только положения и выводы исторических исследований, не только историософская мысль, но и сам ход исследовательского процесса, выражением которого служит методология истории и методика исторического исследования. А. В. Лубский по существу поднял в представлении историков и других представителей общественно-гуманитарных дисциплин значимость методологии науки, выведя ее за довольно узкие, в большей мере технические, рамки, и заявил о ней как о столь же важном культурном феномене, как философия истории или сама история. Подобный авторский подход к методологии истории представляется сам по себе существенным достижением, особенно значимым на фоне известной настороженности исследователей-практиков по отношению к методологии истории.

Возможность успешного осуществления столь монументального замысла определялась энциклопедичностью монографии. В ней содержится отрефлексированный в контексте рассматриваемой проблемы колоссальный фактический материал, относящийся к исторической науке, к философии и методологии истории на протяжении всего периода развития научной историографии. Все это создает впечатление фундаментальности идей, содержащихся в монографии, делает ее положения и выводы особенно убедительными.

Раскрытию проблемы способствовала избранная автором структура монографии. В ней удачно сочетаются гегелевский диалектический метод и порожденный взглядом на историографию как на сложную систему культурно-интеллектуального развития общества структурный подход. Первый из

них выразился в обоснованном А. В. Лубским взгляде на научную историографию как на процесс, развитие которого шло в рамках триады «тезис–антитезис–синтез». Это относится к общей структуре монографии. Второй же избранный метод отразился в построении глав. Для каждого из выделенных А. В. Лубским этапов указаны культурно-историческая и историографическая ситуация, с которыми связано его возникновение, дана характеристика его историософских и методологических оснований, исследовательских результатов, выразившихся в важнейших концептуальных обоснованиях истории. Подобная структура позволяет представить тесную связь фактического материала, относящегося к истории научной историографии, с внутренней логикой его развития. Систематизации по такому принципу, судя по проанализированному в монографии материалу, поддаются даже те из этапов и направлений историографии нового и новейшего времени, которые декларировали приверженность эмпиризму, выступая с отрицанием внутренней логики исторического процесса и наличия в нем основанных на методе логического анализа закономерных начал, выражая взгляд на историю как на жизненный хаос.

Успешное внедрение диалектического и структурного методов при анализе процесса развития научной историографии в значительной мере обязано выделению и обоснованию А. В. Лубским такой относящейся к истории исторической науки категории, как модель исторического исследования. Определяя уровни структуры методологии исторического исследования, А. В. Лубский указал для нее место первого уровня, подчеркивая, что это – «система нормативного знания, определяющего предметную область исторического познания, его когнитивную стратегию, основные познавательные средства и роль ученого в получении нового знания» (С. 39). К последующим уровням отнесены парадигма исторического исследования, исторические теории и методы исторического исследования. Подобный взгляд на методологию исторического исследования представляет особый интерес в связи с тем, что в нем нашла глубокое логическое обоснование идея единства объектно-предметной и методологической области исследования. По существу, такое представление находится в русле современного понимания природы научного познания, прежде всего – в сфере социальных и гуманитарных дисциплин, к которым относится история. Заключается оно в признании субъективного характера такого исследования, которое сложилось в рамках историософского мышления, сформировавшегося на рубеже XIX–XX вв. и порывавшего с традициями философии истории рационализма и позитивизма, которые исходили из существования объективных начал в процессе формирования проблемной объектно-предметной сферы социально-гуманитарных дисциплин. Фактически, идея постановки модели исторического исследования на место первого уровня в многоуровневой структуре методологии истории дала

обоснование единства всей системы исторического познания. Она позволила выявить его важнейшие этапы, основанные на развитии не только философского осмысления истории, но и объектно-проблемной и методологической сфер.

Характерно, что на концепцию А. В. Лубского о единстве системы исторического познания в полной мере «работает» отнесение к методологии истории теорий исторического процесса в качестве ее третьего уровня. С одной стороны, теории исторического процесса являются результатом исследования, и в этой связи составляют своего рода оппозицию методологии. Но с другой, основанная на определенной методологии концепция, ставшая результатом исследовательского процесса, столь же соответствует методологии, как и объектно-предметная сфера исторического познания. Потому отнесение к методологической сфере сформированных на ее базе результатов исследовательского процесса представляется вполне допустимым.

Обращает на себя внимание, что изучение моделей исторического исследования А. В. Лубский начал с историографии эпохи Просвещения. Это неслучайно, поскольку только в Новое время историческое познание как одна из наиболее значимых отраслей духовной культуры человечества стала приобретать черты научного познания. В частности, в истории исторической науки в России начало научной историографии нередко и обоснованно связывается с трудами В. Н. Татищева¹. Обоснованное выделение А. В. Лубским научной историографии из широкого круга других форм рефлексии над прошлым человечества и его репрезентации представляется важным, во-первых, потому, что в результате такого выделения твердо и авторитетно заявлена точка зрения по поводу дискуссионного в историософском дискурсе вопроса о самой возможности отнесения истории к научной сфере, что на протяжении XX в. неоднократно подвергалось сомнению. Во-вторых, подобное выделение приводит к мысли о богатстве и глубоком разнообразии форм осмысления исторического прошлого в рамках духовной культуры человечества, в которой научная форма оказывается лишь одной из возможных. По существу, в таком отнесении содержится предпосылка для продолжения дискуссии об объектно-

¹ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). – М., 1976. – С. 3. На близость профессионального инструментария «Истории Российской» В. Н. Татищева и позднейшей историографии указывает современный историк: «Татищев оказывается современным историком не благодаря случайности, не потому, что простодушно сохранил фрагменты древнего летописания, но потому, что он был историком достаточно хорошим, чтобы на заре критической историографии идентифицировать источники проблемы дисциплины и предвосхитить (или подсказать) многие будущие дискуссии...» (см.: Толочко А. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. – М. – Киев, 2005. – С. 522–523).

предметном поле историографии, которая довольно активно велась в советской литературе между А. В. Черепниным, С. О. Шмидтом, А. М. Сахаровым и А. Л. Шапиро¹. При этом допускается, что в это поле могут быть включены культурные феномены, формально находящиеся за рамками научной историографии, но выражающие общественно-историческое сознание, оказывающие, в свою очередь, влияние на научную историографию и сами подвергающиеся определенному влиянию с ее стороны.

Вполне убедительно выглядит основной итог исследования А. В. Лубского, который содержит концепцию модельного ряда, выделение четырех моделей исторического исследования: классической, неклассической, постмодернистской и неоклассической. Исключительно важным представляется то обстоятельство, что все эти четыре модели коррелируют с основными этапами культуры человечества в новое и новейшее время, к которым относятся классика, модерн, постмодернизм и возвращение к некоторым традициям и ценностям культуры классики и модерна на почве критики постмодернизма. В результате, научная историография до такой степени убедительно представлена в контексте развития мировой культуры как неотъемлемая ее составная часть, как, пожалуй, этого до сих пор не встречалось в отечественной и зарубежной историософской и культурологической литературе.

Особое значение имеет исследование А. В. Лубского для ориентации историков в многообразии историософских и методологических дискурсов в ходе изучения конкретных проблем истории. Четкая характеристика исследовательской парадигмы в каждой из представленных моделей с указанием на их принципы, методы, на связанные с каждой из моделей концепции может помочь в выборе исследовательского инструментария в зависимости от принципиальной философской и методологической позиции историка. Также для исследователя имеет значение характеристика таких важнейших методологических категорий, как принципы исследования и методы, развитие взглядов на источник и исторический факт, а также структуры исследовательского процесса с характеристикой роли каждой из его стадий. При этом для создания представления о месте истории в системе социально-гуманитарного познания большой интерес представляет характеристика сформировавшихся в рамках отдельных моделей исторического познания взглядов на возможность формирования теоретических выводов и концепций исторического процесса. Решение этой проблемы имеет большое значение для установления разграни-

¹ Черепнин А. В. Русская историография до XIX века: курс лекций. – М., 1957. – С. 5; Шмидт С. О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Тр. Моск. историко-архивного ин-та. – М., 1965. – Т. 22. – С. 5; Сахаров А. М. Некоторые вопросы методологии историографического исследования // Вопр. методологии истории ист. науки. – М., 1977. – С. 44; Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. – Л., 1982. – С. 3.

чений между конкретными историческими дисциплинами и такими дисциплинами обобщающего характера, как социология и культурология. Это обстоятельство может вызвать интерес современных историков к теориям среднего уровня, которые получили теоретическое обоснование в неоклассической историографии и которым дана глубокая и многосторонняя оценка в монографии А. В. Лубского.

Предложенная А. В. Лубским всесторонняя характеристика исследовательских моделей научной историографии нового и новейшего времени означает новый и значительный шаг вперед по сравнению с устоявшейся ее характеристикой. В самом деле, четыре модели научной историографии весьма обобщенно и четко позволяют представить историческую науку как сложный процесс в развитии исторического мышления и культуры исследования. Во всяком случае, более четко, чем заостряющая внимание на не всегда существенных деталях привычная схема, которая включает в себя движение исторической науки по пути смены таких ее историософских и теоретико-методологических основ, как рационализм, романтизм, гегельянство, позитивизм, релятивистские направления философии истории (философия жизни, неокантианство) и т.д.

Четкость позиции и ясность мысли гуманитария в наиболее зримой форме отражает языковое оформление научного исследования. Для монографии А. В. Лубского характерно использование ярких литературных образов и даже афоризмов, с помощью которых в обобщенном виде выражаются идеи и сложные историософско-методологические конструкции. К таким образам относится выражение взгляда на субъективные основания методологии истории через высказывание, что «каждый историк – сам себе методолог», сопоставление методологии с «рефлексией над рефлексией» (С. 41), состояния современной историографии – с «ярмаркой идей» (С. 57). То же – во взгляде на историю как на особенно сложную форму рефлексии, в которой достигается своего рода компромисс между объективным отражением реальностей прошлого и субъективностью как автора источника, так и историка: «История – не образец реализма, но и не жертва релятивизма» (С. 275). Или предложение соотносить научное познание сущности изучаемого явления и выражением результата познания средствами языка: «Сущность – это присвоение имени» (С. 278). То же самое можно сказать об использованных к введению, каждой из пяти глав и заключению эпиграфах, по мотивам каждого из которых может быть сформирована серьезная тема теоретико-методологической конференции. Так, взятые в качестве эпиграфа к главе о постмодернистской модели слова: «Играй в игры интерпретаторов, забавляйся интеллектуальным плюрализмом. Истина – миф, тебе все дозволено» (С. 199), позволяют сформулировать проблемы соотношения роли источника и его интерпретации в

историческом исследовании и соотношения исторического и мифологического начал в современной историографии.

По своей научной значимости монография А. В. Лубского может быть поставлена в один ряд с крупнейшими отечественными исследованиями последних двух десятилетий в области философии и методологии истории¹. Вместе с тем в ней выражается более широкое и глубокое воззрение на теоретико-методологическую ситуацию нового и новейшего времени. Связано это с тем, что монография не ограничивается рамками одной или двух исследовательских моделей. Оно дает многостороннюю оценку тех моделей последнего времени, постмодернизма и неоклассики, которые освещались в целом на уровне первоначальной рефлексии. По существу, в своей монографии А. В. Лубский реализовал свой взгляд на особенности исследования по истории науки, которую он выражал в свое время, приводя слова А. Эйнштейна: «История науки – это не драма людей, а драма идей»².

В судьбе всякого фундаментального исследования наступает рано или поздно такой период, когда в свете новейших научных воззрений и достижений возможна критика ряда его положений и выводов. Такая критика в перспективе возможна и по отношению к монографии А. В. Лубского. Представляется, что она может затронуть прежде всего содержащееся в ней соотношение индивидуализирующего и генерализирующего способа интерпретации исследуемых в монографии исключительно сложных явлений и процессов, поскольку в настоящее время в историографии обозначилась четкая тенденция к усилению внимания к индивидуализирующей и феноменологичной парадигме изучения фактов и явлений истории. Однако представляется, что А. В. Лубскому удалось достичь взвешенного соотношения между генерализирующей и индивидуализирующей парадигмами. Возможна также критика по поводу того, что в рамках единой модели объединены весьма неоднозначные историософские и методологические подходы к изучению прошлого. Так, в рамках классической модели методология, сложившаяся в историографии романтизма, несколько выпадает из того ряда, который составляли последовательно историография рационализма, гегельянства и позитивизма. Это дало основание М. Ф. Румянцевой подчеркнуть момент противостояния между историзмом, связанным с историографией романтиз-

¹ Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. – М., 1982; Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – М., 1987; Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: курс лекций. – Томск, 2001. – Вып. 1: Кризис историзма; Томск, 2003; Вып. 2: Становление «новой исторической науки».

² [Рецензия] / Лубский А. В. // Вопр. истории. – 1990. – №11. – С. 174. – Рец. на кн.: Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. – Ростов н/Д, 1989.

ма, и ярко выраженной тенденцией к генерализации исторического материала в позитивистской историографии¹. Возможно, что будет подчеркиваться необходимость более полного учета особенностей методологии исследования школы «Анналов», в которой содержатся некоторые не характерные для неклассической модели номотетические тенденции. И, очевидно, что возникнет вопрос о преемственности между традициями историографии до эпохи Просвещения и той историографии, которая сформировалась в XVII–XVIII вв. и которая положила начало научному изучению истории. Очень удачно такая связь прослежена в новом курсе лекций Э. А. Шеуджен². Однако эту связь следует проследить также в свете зарождения предпосылок научного исследования прошлого, что нашло выражение в выделенных А. В. Лубским моделях. Это представляется возможным, поскольку отдельные признаки научной историографии еще у античных историков уже отмечались в литературе³.

Все эти соображения связаны с возможной перспективой осмысления положений и выводов, содержащихся в монографии А. В. Лубского. Вместе с тем совершенно очевидно и то, что возможны они на фоне объективной оценки этого труда, имеющего значение как для историков, так и для философов. Историкам он облегчает ориентацию в пестром и многозначном мире философской и методологической рефлексии исторического исследования и его результатов. Философам он обеспечивает более углубленное представление о категориях философии и методологии истории. В первую очередь о такой из них, как модель исторического исследования. И в этом представляется возможным увидеть большую научную значимость рецензируемого труда.

Н. А. Мининков, д-р ист. наук (РГУ)

Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни кавказского региона. – М.: МАКС пресс, 2005. – 379 с.

Понятие «этничность» в последние полтора десятка лет среди российских интеллектуалов оказалось «зарифмованным» с понятием «Кавказ». Почти все заметные общественно-политические процессы в кавказском регионе содер-

¹ Румянцева М. Ф. Теория истории: учеб. пособие. – М., 2002. – С. 90.

² Шеуджен Э. А. Историография. Вопросы теории и методологии: курс лекций. – Майкоп, 2005.

³ На признаки научной историографии в трудах греческих историков указывал Р. Дж. Коллингвуд (Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. – М., 1980. – С. 19–21). Стремление Платона заменить мифологичное мышление при осмыслении истории «новой, научной» системой мышления подчеркивал А. И. Немировский (Немировский А. И. У истоков исторической мысли. – Воронеж, 1979. – С. 115).